

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 821.161.1

Г.Л. НЕФАГИНА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
Института нефилологии Поморской академии в Слупске (Польша)*

ПОЛЬША В РОМАНЕ М. КОРЯКОВА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ДУШИ»

В статье анализируется произведение русского писателя второй волны эмиграции Михаила Корякова. Главным объектом исследования является вопрос о том, как писатель и его современники воспринимают Польшу. Исследуется исторический, философский, религиозный и культурный аспекты. Изображение Польши не абстрактно и не художественно, оно отображает диалектику понимания незнакомой страны и эмоции, вызванные отходом от существующих представлений.

Ключевые слова: «польские» страницы, исторический и религиозный аспекты, история жизни, национальные стереотипы.

Михаил Коряков – еще почти неизученный русский писатель второй волны эмиграции. Выпускник ИФЛИ (Института философии, литературы и истории), он был представителем сталинского поколения, «выращенного в искусственном оранжерейном климате, полного веры в гений “великого, мудрого и любимого Сталина”» [1, с. 21]. Естественно, что он впитал и стереотипы того времени, в том числе и в национальных отношениях. Но дороги войны провели его по разным странам, позволили составить свое представление о разных народах. Война, как это ни странно, открыла Корякову путь к освобождению души от идеологических наслоений советского воспитания. Оказавшись в последние дни войны, уже перед самой победой, в немецком плену, перед лицом смерти, он пережил мощное душевное потрясение, приведшее его к христианству. После освобождения из плена Коряков некоторое время работал в редакции газеты, выпускавшей советской миссией в Париже. Здесь он познакомился со многими эмигрантами первой волны: И. Буниним, Б. Зайцевым, С. Маковским. По воскресеньям Коряков приезжал в Кламар к Бердяеву и проведенные там вечера он считал своим настоящим университетом. Когда, опасаясь репатриации и советского концлагеря, Коряков бежал, то сначала его приютил известный историк литературы, эмигрант первой волны Константин Васильевич Мочульский, о котором он с благодарностью вспоминал всю жизнь. Несколько позже благодаря усилиям эмигрантов первой волны Коряков был переправлен в Бразилию, а затем в США. В автобиографической книге «Освобождение души», опубликованной в 1952 г. в Нью-Йорке с замечательно теплым предисловием Бориса Зайцева, целая глава «Костел Панны Марии» посвящена Польше. Отдельные заметки о польской армии, об отношении к событиям 1939 г. разбросаны по тексту книги.

«Освобождение души» – книга автобиографическая, основанная на личном опыте. Это повествование о духовном раскрепощении, о расширении кругозора. В ней немало исторических сведений, литературных реминисценций, вплетенных в художественную канву. Я-повествование сообщает книге достоверность, а авторская рефлексия по поводу

тех или иных событий придает искренность, присущую исповедальной традиции. Размышления о Польше носят не отвлеченно-литературный характер, они пронизаны диалектикой постижения неизвестной страны и эмоциональностью, вызванной ломкой прежних представлений.

Чем была западная соседка для советского человека? Не каждый вообще знал о существовании Польши, этой, по выражению Маяковского, «географической новости», государства, вернувшего свою независимость только в 1918 г. Русско-польские отношения всегда были сложны и противоречивы. Советское правительство формально приветствовало провозглашение независимости Польши, но при внешней стабильности отношения между государствами были довольно холодными: Польша представляла как потенциальный противник, ближайшая буржуазная соседка, которая, как стало известно, имела широкую агентурную сеть в СССР (об этом находим сведения не только документальные, но и в романах польско-белорусского писателя Сергея Песецкого), что не могло не вызывать недружелюбной реакции соответствующих органов. В свою очередь, Польша всегда была отягощена во внешней политике комплексом русофобии, который хотя и имел исторические основания, но базировался на убеждении в исторической вине России в разделе Польши и игнорировал не менее агрессивные действия самой Польши в разные периоды русской истории. Советский человек пребывал в сознании того, что буржуазная Польша угнетает национальное население «несправедливо отданных» ей по Рижскому договору 1921 г. западных земель Белоруссии и Украины. У людей сложился определенный стереотип восприятия характера поляка как спесивого, чересчур гордого, пренебрежительно относящегося к другим славянским народам – «холопским», «некультурным». Выработался, во многом благодаря пропаганде, а также поведению польских политиков, и стереотип Польши как слабого по военному потенциалу государства, которое уважает только силу и от которого можно ожидать любых коварных действий. О событиях 1939 г., когда Красная армия двинулась навстречу немецкой и захватила западно-белорусские и западно-украинские земли под лозунгом их освобождения от панской Польши, Коряков упоминает в главе «16 октября» вскользь. Прямая оценка событий сентября 1939 г. будет дана позже, когда советский офицер Коряков пройдет дорогами войны до польского города Люблина. В начале войны он только замечает, что Прибалтика, Полесье, Волынь, Буковина были присоединены к СССР, то есть, как он иронически уточняет, «освобождены», по советской терминологии. Несмотря на толерантность, писатель все-таки в первые месяцы войны не свободен от общих представлений о Польше. В роте отступающих красноармейцев он увидел пулемет, с которым никак не могли разобраться бойцы. Это был польский пулемет с гербом Жечи Посполитой, который, как думает автор, захватили в 1939 г. и который он презрительно называет «всякой завалью», высказывая тем свое отношение к военному оснащению польской армии. Советские газеты 1939 г. доносили до читателей геббельсовскую информацию о том, что «Польша сдалась за 18 дней, что “полячишки – никудышные солдаты”» (96). Человек, стремящийся к свободе, независимости от идеологических штампов, Коряков меняет свои представления об этой славянской стране по мере ее узнавания.

Книга «Освобождение души» написана как своеобразная хроника войны, переданная очевидцем. Писатель фиксирует продвижение советских войск с точным указанием времени и места. Он детально описывает обстановку в военной части, военный быт, разговоры и настроения бойцов. Впервые Коряков упоминает о Польше в связи с расположением штаба армии, где он служил, в местечке Бережница, которое до 1939 г. было польской территорией. За полтора года советской власти, как отмечает автор, колхозный строй не успел утвердиться на Волыни, а захватившие местечко немцы заигрывали с украинскими сепаратистами и потому почти ничего не разрушили. Когда советская армия в 1944 г. пришла сюда, то Корякову поразила совершенно мирная и даже идиллическая жизнь с соблюдением религиозных праздников, разливавшимся над селом колокольным звоном. Это была странная территория: не польская, не советская и не украинская. Коряков ничего не пишет о той драме, которая разыгрывалась на Волыни, где украинские националисты уничтожали поляков (по данным польских исследователей погибло от 30 до 80 тыс. поляков) [2] и русских, вырезая целые села. Это можно объяснить либо тем, что Бережницы были мононациональным украинским селом и бандеровцы не свирепствовали в этой местности, либо тем,

что в период пребывания писателя на Волыни существовало некое табу этой темы. Хотя странно, что даже отголоском страшная трагедия, произошедшая в 1943 г., не отозвалась в той благостной картине жизни волынского села, которую изобразил Коряков. Видимо, в связи с целенаправленностью книги – показать раскрепощение сознания и души – Коряков акцентирует внимание не на национальных аспектах, а на религиозных, хотя и здесь возникают вопросы: бандеровцы были в основном греко-католиками, уничтожавшими поляков-католиков [3].

После того, как летом 1944 г. советские войска форсировали Буг, затем вступили в Польшу и заняли плацдарм у Сандомира, Коряков находился в Польше около полугода. Это было время познания соседней страны, изучение ее истории и языка. Он показывает поведение советских солдат в Польше, не педалируя тот или иной случай, а вроде мимоходом, вскользь рисуя лейтенанта-штрафника, пьяницу и гуляку, который «заливался» к полякам, «на веску ихнюю – паненок щупать» (93), или капитана, разжалованного за изнасилование паненки. В книге часто проводятся исторические параллели. Показывая отношение к советским солдатам, Коряков приводит слова старых польских крестьянок о том, что в прежние времена русский солдат, заходя в хату, снимал шапку и крестился, а если что-то нужно было, то просил. «В Польше, куда русская армия приходила, как завоевательница, – для раздела порабощенной страны, – даже там о царском солдате не вспоминали плохо» (101).

Факты мародерства и насилия сурово наказывались согласно специальному приказу Сталина о поведении на занятых советскими войсками территориях. Правда, приказ был издан 19 января 1945 г., когда война велась уже на немецкой территории и жажда мести фашистам выливалась в случаях насилия над немцами. Но и в Польше такие проступки были достаточно многочисленными, и объясняются Коряковым не индивидуальной испорченностью или животным началом в человеке. Писатель связывает их с отсутствием свободы, что, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Однако он расшифровывает свою мысль: «Красная армия, разгромив минско-бобруйскую группировку немцев, переступила Буг в сознании своей силы, непобедимости. Советский человек, отвыкший от вольности, привык уважать только силу – отсюда презрение к слабой в военном отношении Польше» (93). Отсюда право победителя, переходящее во вседозволенность. Но справедливости ради писатель отмечает и то, что за многими бесчинствами стояли личные трагедии, которые рождали жажду отмщения, а месть, как известно, слепа и часто обрушивается все не на виновного.

Коряков отмечает, что в Красной армии «считалось хорошим тоном презрительно относиться к Польше». Для большинства советских людей, отгороженных от Европы, не имевших никакого, кроме навязанного идеологической пропагандой, представления о Польше, это была враждебная капиталистическая страна, антагонистичная их родине. В интеллигенции новой советской формации жило славянофильское убеждение, что Польша – «изменница славянства», что она носит в себе «отравленное жало латинства», как писали в старину» (93). Коряков же испытывал симпатию к польскому народу, что в русле идеологических стереотипов могло трактоваться как вольность, «явление, начальством недозволенное». Свобода, вольность для автора – это та идея, которой единственной можно служить. И собственную жизнь, и достоинство народа Коряков измеряет степенью свободы.

С этой точки зрения, история Польши вызывает у героя неизменное уважение и преклонение. Коряков восхищается истинной силой стремления поляков к свободе. Он захлеб читает сочинения Иоахима Лелевеля, еще в середине XIX в. выступавшего против тоталитарного общества, основанного на приказе и послушании, на лишении личной свободы. Для него слова «За нашу и вашу вольность!» одинаково относятся и к полякам, и к русским. Надо было обладать немалой смелостью, чтобы в 1944 г., находясь в армии, открыто высказывать свои симпатии Польше, как это делал Коряков.

Не однажды в тексте книги можно встретить слова о стереотипах восприятия Польши советскими людьми в довоенное время. «Презрение к Польше – характерная психологическая черта советских людей, сидевших десятилетиями за своим забором. Презрение выросло на почве незнания: что там, за забором? Чертополох, крапива... – буржуазная зараза,

капиталистические сорняки? <...> Клевета удобряла ту почву невежества, на которой произрастал чертополох презрения» (96).

По мнению писателя, любовь к стране рождается из знания о ней. Коряков, зная историю Польши, считал ее героической страной, пережившей «свои светлые годы при Ягеллонах, свою блестящую жизнь при Сигизмунде-Августе, свои упоения славою при Стефане Батории и при Яне Собесском» (96). Послевоенный Люблин с его грязными, кривыми и узкими улочками, ставший временной столицей Польши, вызывает в памяти писателя картины былой славы города, в котором 400 лет назад «Сигизмунд-Август ехал на белом коне из Сената в костел, где было пропето *Te Deum laudamus*» (97). Но в Люблине 1944 г. «в наспех сколоченных министерствах временной польской столицы распоряжались советские чиновники. В кабинетах Генерального штаба сидели офицеры Красной армии, не желавшие даже сменить советский китель на мундир польского покроя» (97). Тем не менее, город возрождал свою сложившуюся еще до войны жизнь, в которой было место уютным каварьям, щегольски одетым молодым людям, прекрасным паннам, о которых писатель цитирует строки из поэмы А. Блока «Возмездие»: «И очи панн чертят смелей Свой круг, ласкательный и льстивый». Корякову в Люблине видится «вечная, даже под бременем обид не умирающая Польша» (98). Он связывает героическое прошлое и не менее героическое настоящее Польши, говоря о трагизме героев битвы при Вестерплатте и армии Эдварда Клебера, сражавшейся за Варшаву в 1939 г.

Первым из русских писателей М. Коряков в конце 1940-х годов, когда писалась «польская» часть книги, выразил свое отношение к событиям сентября 1939 г., когда Польша очутилась под двойным ударом фашистской Германии и СССР. «Никто не знает, какой ценой еще придется нам, русским, платить за предательство, преступление против Польши» (96). Как собственную боль он переживает унижение Польши. Узнав о формировании Войска Польского, он хочет записаться в него, чтобы послужить стране, которую любил.

Об организации польской армии рассказывает украинец Зот Свидерский, которого взяли в нее из-за польской фамилии. Вообще, это довольно интересное историческое свидетельство. «Красная армия на польскую границу еще вышла – меня уже забрали в поляки. Когда Андерс ушел, наши стали формировать свою польскую армию. А поляки-то, где они? Ушли с Андерсом, самая малость осталась. Вот и давай собирать таких, как я, – с фамилиями» (94). Свидерский даже польского языка не знал, поэтому ему нелегко было служить, да еще командовать ротой, когда в нее набрали чистокровных поляков. Но особенную трудность составляли католические молебны, которые были обязательными в польской армии. Если бы Свидерский был православным, то он иначе относился бы к молитвам. Но проблема заключалась в том, что он был из поколения безрелигиозного, ни во что, кроме социалистических лозунгов, не верящего. Автор комментирует рассказ Свидерского, поясняя, что в Войско Польское «набирают советских офицеров. Для большинства из них, не знавших польского языка и тяготившихся молебнами, это была не служба – каторга. Последнее время шли туда неохотно, коммунистов брали в порядке “партийной дисциплины”» (95). И вот здесь вскрывается страшный и судьбоносный для многих парадокс: Коряков был наказан за участие в панихиде, то есть религиозные убеждения, несовместимые со званием советского офицера. В то же время других советских офицеров, даже коммунистов, заставляют участвовать в католических молебнах, наказывая штрафной ротой за игнорирование их. Двойная бухгалтерия, которую специально не подчеркивает автор, а только показывает одинаковую меру наказания и за веру, и за безверие, становится отражением государственной политики. Для самого Корякова, успевшего полюбить Польшу, служба в Войске Польском отвечала душевным устремлениям. Многого видя и понимая, он считает, что если надо, чтобы в Войске Польском были советские офицеры, то лучше такие, которые симпатизируют этой стране, что-то знают о ней. Но Коряков оказался не подходящим по идеологическим соображениям, не помогло даже знание польского языка.

В книге Корякова можно найти немало исторически важных фактов, дополняющих реальную и художественную картину Второй мировой войны, позволяющих установить хронологию продвижения советских войск на запад. Особенно важно, что рассказ передает ощущения, нескорректированные более поздними трактовками и представлениями. Так, хотя ничего не сказано о Варшавском восстании, но драматизм событий просвечивает в

упоминании о том, что с момента форсирования Буга в середине лета, овладения предместьем Варшавы Прагой и занятием Сандомира до следующего наступления советской армии прошло 4 месяца стояния на берегу Вислы. Истинные причины задержки наступления достаточно сложны, как и причины преждевременного восстания поляков. Но Коряков тогда не мог судить о событиях, которые можно оценить только с перспективы времени. Он лишь подчеркивает свободолюбие и романтизм польской нации. Гораздо позже в «Дорожном дневнике» Владимир Высоцкий напишет:

В моем мозгу, который вдруг сдавило
Как обручем (но так его, дави!)
Варшавское восстание кровило,
Захлебываясь в собственной крови...

Реалистическая книга Корякова написана в сдержанном тоне: автор старается заглушить собственные чувства, внешней объективностью завуалировать личную оценку. Тем не менее, эпизоды разгула солдат на бывшей немецкой территории наполнены вырывающимися из души негодованием. Писатель проходит по немецким (ныне польским) городам Бунцлау (Болеславец), Бреслау (Вроцлав), Лигниц (Легница). Картины разрушенных, повергнутых городов запечатлены с кинематографической четкостью. Но не только советская армия торжествовала победу. На Дрезденском направлении вместе с советской армией двигалась польская армия генерала Поплавского. Эпизодом фильма могла бы стать увиденная картинка: на переправе через реку Нейсе были развешаны портреты маршалка Роля-Жимерского и лозунг «Польский жолнеж! Добудь Отчизне новую границу – на Нисе и Оudere» (107).

Война, разломавшая перегородки между народами, помогла писателю увидеть красоту и родственность польской природы и любимой им русской. Он невольно сравнивает пейзажи обеих стран, но в то время как другие искали и замечали различия, Коряков видит общность, выделяет похожесть быта, уклада народной жизни. «Поля, холмы, перелески... – простой и неказистый, однако, полный прелести пейзаж. Деревенские избы – совсем как у нас, в России: белые глинобитные печи, пестрые половички и народ, ласковый, гостеприимный, как нигде в мире» (95).

Открытость чужой культуре, стремление понять ее как свою, узнать другой народ всегда характеризовала истинного художника. Коряков в свободное время изучает польский язык, читает историю Польши, напевает костельные хоралы. Приятие им Польши идет в русле его христианизации, обретения веры в Бога. По собственному признанию писателя, до войны он, как большинство советской молодежи, был вне религии. Но уже в студенческие годы Коряков неосознанно потянулся к мистической живописи Нестерова, к чтению святоотеческой литературы. Его притягивало ощущение связи с предками в соборных молениях православной церкви. Война ускорила приход к Богу, обострила и укрепила его религиозные чувства. Принимая не церковь, но Бога, Коряков молился и в православном храме, и в католическом костеле. Его религиозное чувство близко народной вере, не знающей церковной догматики. Он пишет: «Повсюду – в Польше ли, в России – народ знает Бога, а не догматику богословия. Так же, как в православной Волыни, в католической Польше по воскресеньям крестьянки в ярких нарядных хусточках шли в костел и молились Богу, возвращались домой – светлые, праздничные – и собирали на стол “снадание”» (95). По словам писателя, он не хочет противопоставлять славянство и латинство, православие и католицизм. Он ищет не разъединения, а точки, пусть пока только точки, соприкосновения и общности.

В восприятии обрядности многое зависит от личного чувства. В период пребывания в Польше Корякову была ближе самоуглубленность, единение с Богом в стенах католического костела. Православные обряды поражали воображение эпической величавостью, в католических он чувствовал больше лиризма, «этой склоненности ниц, лицом в ладони, когда человек отрешается от земного и переходит в какие-то совсем иные измерения» (96). Коряков, все время ищущий индивидуальной свободы, личной независимости, увидел в католической молитве больше личного, интимного, чем в православии, потому принял католическую, или, как он пишет, польскую, веру как более чистую, активную, пламенную.

Именно в католической вере Коряков видит духовные истоки Польши, гарантию ее независимости, ее охранительный оплот. Религиозные чувства народа спасали страну, вернее, польскость, по выражению Г. Гачева, в самые неблагоприятные, разрушительные времена. Польскому духу всегда были свойственны рыцарство и романтизм, которые определяют национальный темперамент. Высоко оценивая «рыцарский элемент» в польской жизни, А. Герцен писал: «В акте полной преданности родине заключается всё христианское значение рыцарства и всё рыцарское Польши» [4, с. 303]. Пожалуй, только один этот свойственный русскому восприятию стереотип польской ментальности принимает Коряков.

Книга «Освобождение души» многогранна, тематически и проблемно чрезвычайно наполнена. Это сама многоаспектная жизнь, вплетенная в повествование о духовном освобождении личности на военных перепутьях истории XX в. Поэтому в ней нет более или менее значимых тем. Религиозные проблемы связаны с культурными и политическими, не существуют отдельно от бытовых и бытийных. Естественно и органично вливается в общую картину и тема Польши как части души писателя.

Список использованной литературы

1. Коряков М. Освобождение души / М. Коряков. – Нью-Йорк: Издательство имени А.П. Чехова, 1952. – 363 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.
2. Korman A. Rozmiary i metody eksterminacji kresowej ludności polskiej przez terrorystów OUN-UPA w latach 1939–1947 / A. Korman // Na Rubieży. – 1995. – № 3 (13). – S. 3–14; Olszański T.A. Historia Ukrainy XX w. / T.A. Olszański. – Warszawa: Volumen, 1993. – 352 s.; Torzecki R. Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej / R. Torzecki. – Warszawa: W-wo naukowe PWN, 1993. – 349 s.
3. Цыганков С. Краткая аналитическая справка о Волынской резне польского населения в Западной Украине [Электронный ресурс] / С. Цыганков. – Режим доступа: <http://www.russian.kiev.ua/archives/2003/0307/030711san1.shtml>
4. Герцен А.И. Что же дальше? / А.И. Герцен // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. – Т. 18. – 752 с.

У статті аналізується твір російського письменника другої хвилі еміграції Михайла Корякова. Головним об'єктом дослідження є питання, як письменник та його сучасники сприймають Польщу. Досліджується історичний, філософський, релігійний та культурний аспекти. Зображення Польщі не є абстрактним чи художнім, воно відображає діалектику розуміння незнайомої країни та емоції, викликані відходом від існуючих уявлень.

Ключові слова: «польські» сторінки, історичний та релігійний аспекти, історія життя, національні стереотипи.

The article analyses the book of Mikhail Koryakov – a Russian writer who belongs to the second wave of emigration. The principal object of research is the perception of Poland by the writer and his contemporaries. Historic, philosophic, religious, and cultural aspects are dealt with. Reflections on Poland are not of abstract and literary character, they represent the dialectics of comprehension of the unknown country and emotions caused by breaking previous conceptions.

Key words: «Polish» pages, historic and religious aspects, life stories, national stereotypes.

Надійшло до редакції 24.10.2012 р.